

Н. М. Токарский

О местонахождении Даран-дашта

Осенью 1934 г. во время работ по съемке плана древнего Двина нами был обследован утес, находящийся примерно в 3-х км к северу от центрального двинского холма и известный у местных жителей под названием „Кыз-кала“. Среди черепков древней посуды, усеивающих его склоны, Кс. Н. Токарской было найдено несколько кусочков облицовочных изразцов двух видов: росписных и покрытых гладкой голубой поливой. О форме первых по найденным фрагментам трудно что-либо сказать; что касается голубых, то здесь можно высказать некоторые предположения, так как у некоторых из них сохранились сходящиеся под острым углом края. Найденные обломки хранятся в Ленинграде в Государственном Эрмитаже, и нам приходится на прилагаемом рисунке по памяти воспроизвести форму одного из них (рис. 1). Не подлежит сомнению, что он имел острый конец, показанный на рисунке пунктиром; остается только решить, как выглядела в свое время вся плитка.

Классические персидские изразцовые облицовки XIII в. составлялись из плиток, имевших форму звезды и креста (рис. 2), украшенных росписью или покрытых только красочной глазурью без всякого рисунка. В Ханаке (Азербайджан) в мавзолее Пир-Хусейна росписные звезды сочетались с гладкими голубыми крестами¹; несмотря на то, что найденный нами обломок по поливе близок к голубым плиткам из Ханакы, — предположить, что он является обломанным концом изразца, имевшего крестообразную форму, нельзя, так как края сходятся в нем не под прямым, а под острым углом, исключающим возможность помещения такой плитки между восьмиконечными звездами.

В очерке об изразцах И. А. Орбели² устанавливает, что облицовки стен кирпичных зданий из фигурных изразцов создались под влиянием наборов из резных камней (обычно двух цветов), украшающих порталы и входы армянских построек XII—XIII вв; поэтому при определении первоначальной формы голубых изразцов, найденных в

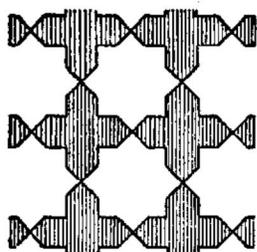
¹ Крачковская В. А.—Изразцы мавзолея Пир-Хусейна. Международный Конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград. Сентябрь, 1936 стр. 109 и сл. Тбл. XLIX.

² Орбели И. А.—Мусульманские изразцы. Петербург. 1923, стр. 17 и сл.

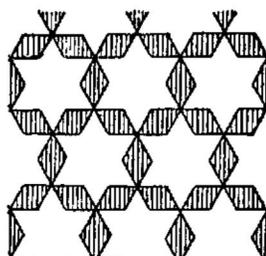
Двине, будет вполне уместно обратиться к наиболее распространенным в Армении видам облицовок из фигурных резных камней. На порталах арийских зданий можно было видеть восьмиконечные звезды (дворец парона—рис. 2), шестиконечные—(гостиница, дом Саркиса—рис. 3; дворец парона—рис. 4) и, наконец, пятиконечные (гостиница—рис. 5)¹. Ни в одной из фигур, составляющих эти декоративные наборы, края не сходятся под таким углом, какой имеется в двинской плитке; поэ-

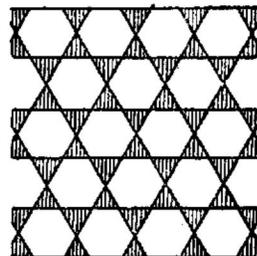
1

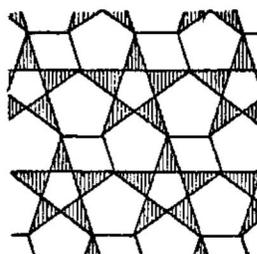
2

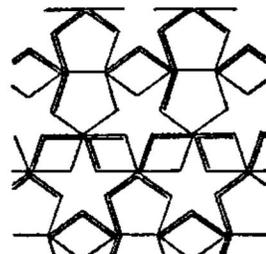
3

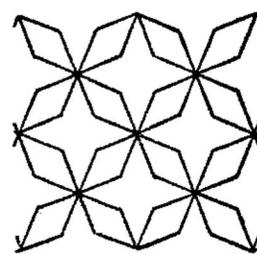
4

5

6

7

тому приходится отказаться от мысли о звездчатой изразцовой декорровке. По величине своего угла двинские голубые плитки совсем близко подходят к элементам геометрического узора, вырезанного в камне, над западными входами в притворах Ованна-ванка и Сагмоса-

¹ Март Н. Я.—Апн. Книжная история города и раскопки на месте городища. Ленинград—Москва. 1934. Тбл. XLVII—207, 208, XXXVI—147, XXIX—99.

Армянские мастера охотно украшали композициями из пятиконечных звезд и люнетов над входами монастырских зданий (Арич, Дсех и др.). Там, где узор не набирался из отдельных камней разных цветов, а вырезался в целой плите, как напр. в Сагмоса-ванке,—звезды обычно имели более высокий рельеф для получения игры света и тени (рис. 6).

ванка (рис. 7)¹, построенных в XIII в. (Армения, Аштаракский район), причем они могли иметь форму как ромба, так и остроконечного „креста“ и применяться в сочетании с росписными.

Нет оснований думать, что обломки плиток попали на Кыз-калу откуда-нибудь извне; вернее будет полагать, что здесь в XIII в. была возведена кирпичная постройка с облицовкой из голубых и росписных изразцов, возможно имитировавшей рельефные узоры притворов Ованна-ванка и Сагмоса-ванка; остатки этой постройки могли сохраниться под земляным покровом, лежащим сейчас на утесе.

Наличие в Двине здания с нарядной изразцовой облицовкой не представляет ничего необычного, так как раскопки 1937—1939 гг. показали, что в XIII в. город продолжал жить и в нем возводились постройки, в которых мастера широко применяли разнообразные декоративные приемы своего времени. Здесь были найдены фрагменты облицовки из кирпичиков, составлявших геометрический узор с заполнением фона белым раствором, сходной, несмотря на некоторую грубоватость работы, с облицовкой мавзолея Муминэ-хатун (конец XII в.) в Нахичевани. Отлитые из гипса пояса обрамляли нишу в расчищенном при раскопках 1938 г. жилом доме на северном склоне главного двинского холма. Звериный гон на фоне из растительных побегов—излюбленный сюжет мастеров XIII в.—украшает один из поясов, позволяя безошибочно установить время возведения этой постройки².

Так как дорогое изразцовое убранство могло быть применено только в монументальном сооружении, естественно явилась мысль связать находки на Кыз-кале с свидетельствами современных армянских авторов о строительстве Хулагу-хана в Армении, тем более, что Эмин, Броссе и Бакрадзе считали, что Хулагу-хан строил свой дворец на Гарнийской равнине, у начала которой, при выходе р. Азата (Гарни-чая) из гор, высится и Кыз-кала.

Эмин в примеч. 737 к переводу Всеобщей Истории Вардана (Москва, 1861 г., стр. 181—182) приводит выдержку из Истории Киракоса Гандзакского. „В это время великий Хулаву начал строить обширный город на равнине Гарни (в округе Гехаркуни Сюникской провинции Великой Армении); для этого он обязал покоренный народ доставлять лес отовсюду для постройки домов и дворцов в новом городе, который он строил „для летнего своего местопребывания“, и

¹ Измайлова Т. А.—Архитектурные фрагменты из Анберда. Труды Отдела Востока Госуд. Эрмитажа. Ленинград. 1939. Т. I, тбл. IV, 2.

В Госуд. Историческом музее в Ереване имеется найденная в Двине глиняная облицовочная плита, на котором до обжига был вырезан такой же рельефный узор.

² Только совершенно игнорируя эти материалы, автор историко-географического очерка о Двине, составленного в связи с раскопками и опубликованного после нескольких лет археологических работ, мог выселить из Двина последних его жителей в 30-х годах XIII в. (Ас. Шахназарян. Двин. Историко-географический очерк. Ереван. 1940, стр. 135).

замечает „что под Дарин-дашт, или Даран-дашт — *Դարին կամ Դարան դաշտ* — следует разуметь не Муханскую равнину, *դաշտն Մուղան* — но, вероятнее Гарнийскую равнину, где некогда возвышался летний дворец царя Тердата Аршакида, что подтверждается словами того же Малахии, который определяет Даринскую равнину, называя ее „местом, где некогда была летняя резиденция армянских царей, т. е. Аршакидов“.

Броссе¹ говорит о Гарни: „C'est également dans la plaine de Garhni, nommée Alatagh par les Mongols, qu' Houlagou se construisit un superbe palais“.

Бакрадзе² при описании гарнийской церкви отмечает: „Гарни известен и тем, что на равнине его, называемой Алатаг, или Дарин-дашт, служившей летнею резиденциею армянских царей из Аршакуниан, в XIII ст. Гулагу-ханом на свое иждивение воздвигнут был роскошный дворец“.

Просмотр свидетельств армянских авторов XIII в. об этой постройке Хулагу-хана однако показывает, что ни у одного из них, кроме Киракоса, местность не носит названия Гарни, а именуется Дарин-дашт или Даран-дашт; видимо в тексте Киракоса позднейшим переписчиком была допущена описка (вместо *Դարանոյ—Դարանոյ*)³, которую и устранил в своем переводе К. П. Патканов. Вардан во Всеобщей Истории⁴ отмечает, что он не дерзнул распространяться о событиях, происшедших между 1236 и 1265 гг., так как они во всех подробностях были описаны его учителем Иоанном Ванаканом и другом Киракосом вардапетом. Значит, с трудом последнего Вардан был хорошо знаком и едва ли мимо его внимания могло пройти расхождение в наименовании места, где Хулагу-хан вел свое строительство; в подлинном тексте Киракоса этого расхождения, надо полагать, не было так же, как нет его в сочинениях Вардана, Магакии и Степаноса Орбелиана.

Совокупность отдельных деталей, которые можно найти у этих историков, позволяет, по нашему мнению, установить местоположение Даран-дашта.

Вот что они сообщают:

¹ *M. Brosset—Histoire de la Sioumie par Stéphanos Orbélian. Saint-Petersbourg. 2 livr. 1866, стр. 131.*

² *Бакрадзе Дм.—Кавказ в древних памятниках христианства. Записки О-ва любителей кавказской археологии. Кн. I. Тифлис. 1875, стр. 50.*

³ *Կիրակոս Դարանոյի շինարարութեան շուրջ. Մուղղա, 1858 թ., էջ 238:*

⁴ *Վարդան թարգմանիչ—Պատմութեան տեղեկական. Մուղղա, 1861 թ., էջ 192:*

Вардан—Всеобщая история, стр. 179 и сл.

Труды Иоанна Ванакана, известного своей ученостью, у которого получили образование Вардан, Киракос и Магакия, до нас не дошли; сохранилась лишь его собственноручная запись о выкупе евангелия, плененного монголами. *См. С. В. Тер-Аветисян.—Автограф Иоанна (Ованнеса) Ванакана Таушского, армянского писателя монгольской эпохи. Изв. Кавказского Историко-Археологического Института. Т. IV. Тифлис. 1926, стр. 51—54.*

Вардан¹. „Отсюда Хулаву возвратился на зимние квартиры на Муханскую равнину и на летние стоянки в Даринский округ, или, как другие называют, в Даранскую равнину: здесь вокруг гор находится много каменистых пещер: эту местность он полюбил и обстроил ее зданиями по своему желанию. Он даже думал выстроить здесь город, почему и вся окрестная страна пострадала от этого, ибо и люди и скоты должны были из дальних мест доставлять тяжелые бревна“.

Магакия². „... и видя себя обладателем великих сокровищ, Гулаву-хан приказал себе построить дворец на поле Дарин, называемом татарами Алатаг, на том месте, где было летнее местопребывание великих царей армянских, из династии Аршакидов.

Киракос³. „В те дни Гулаву стал строить обширный и многолюдный город на равнине Дарин. Он предписал всем своим подданным поставлять строевой лес для постройки домов и дворцов нового города, который он строил на месте своего летнего пребывания. Жестокие и суровые надсмотрщики привели в изнеможение не только людей, но и скот: сотни быков едва могли сдвинуть с места одно бревно, так они были велики и толсты. Не менее затрудняла их дальность пути через горы и реки“.

Степанос Орбелиан⁴. „Сембат пользовался большим почетом и уважением со стороны Гулаву-хана, который часто поручал ему ведение своих дел. ... По повелению Гулаву он отправился в Басен за сосновым лесом для постройки дворца в Даран-даште, который татары называют Ала-даг“.

Суммируя эти весьма скудные данные, можно установить следующее: во второй половине XIII в. в местности, называемой армянскими историками то Дарин-дашт, то Даран-дашт, а монголами Алатаг (Ала-даг), где некогда имели летнее местопребывание армянские цари из династии Аршакидов, Хулагу-хан, зимовавший в Муганской степи, начал строить летнюю резиденцию (дворец) и город. Строевой лес поставлялся сюда с большими трудностями через горы и реки из Басена, куда за ним был отправлен Сембат Орбелиан. Никакого описания местности

¹ Там же, стр. 198—199.

Всеобщая история, стр. 185.

² Մաղաքի տարեգրութիւնք — Պատմութիւն զան յարկն նեադարձ. Ս. Պետրոսբուրգ 1870 թ., էջ 31—32:

История монголов инока Магакии, XIII века. Перев. и объясн. К. П. Патканова. Санкт-Петербург, 1871, стр. 34.

³ Կիրակոսի Գանձակեցի — Պատմութիւն Հայոց. Սոսկիւ, 1858 թ., էջ 238:

История монголов по армянским источникам. Вып. второй, заключ. в себе извлечения из истории Киракоса Гандзакци. Перев. и объясн. К. П. Патканова. Санктпетербург. 1874, стр. 106.

⁴ Մտերիանն ու Օրբելիան — Պատմութիւն նահանգին Սիսական. Թիֆլիս, 1911 թ., էջ 415:

История монголов по армянским источникам. Вып. первый, заключ. в себе извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиана и Констабля Сембата. Перев. и объясн. К. П. Патканова. С.—Петербург. 1873, стр. 43 и сл.

древние авторы не дают, и только Вардан считает нужным упомянуть о том, что в окрестных горах было много пещер.

Предположение, что Даран-дашт находился в районе Гарни, как основанное на недоразумении, отпадает, тем более, что равнина, по которой в своем нижнем течении проходит река Азат (Гарни-чай), с ее жарким летом едва ли могла быть избрана для летнего пребывания.

Нельзя также смешивать, как правильно отмечают Эми и (ук. прим. 737) и Манандян¹, Муганскую и Даранскую равнины, в особенности, если принять во внимание, что Вардан четко разграничивает их как зимнюю и летнюю стоянки монголов. Я. А. Манандян (там же), не определяя точно места, где находился новый город, правильно указывает, что под Алатагом нужно разуместь горный хребет к югу от Багавана и Диадина в Багреванде. Алатаг (Ала-даг), древн. Цалке, на восток тянется до Цалке-отна, граничившего с областью Коговит, и поэтому вполне возможно, что новая резиденция, находившаяся, по нашему мнению, в Коговите, могла у монголов носить то же название Алатаг. Несмотря на скудость имеющихся сведений, все же можно Даран-дашт отождествить, и не только по названию, с районом древнего Даруйнка (ныне Баязида)². Коговит принадлежал Аршакидам, и в неприступном Даруйнке хранились царские сокровища³; сюда за Масис, в свою любимую область Коговит приезжали они на охоту⁴. Даруйнк не потерял своего значения и после падения Аршакидов. В VII в. эта крепость известна уже как резиденция Багратидов⁵, в которой, по свидетельству Себеоса⁶, находилась их фамильная усыпальница. И поэтому, когда Магакия, говоря о Дарин-даште, упоминает об аршакидской резиденции, он, надо полагать, имеет в виду древний Даруйнк. Около Баязида в горах действительно имеются пещеры⁷, что соответствует описанию Вардана, и по мнению И. А. Орбели, видевшего их, подтверждает

¹ Манандян Я. А.—О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Эривань. 1930, стр. 207.

² У Марра—Даруйнк, Адонца—Даронк, Даройнк, Патканьяна—Дарьюнк, Даронк, Даруйнк. (Древние авторы: Фауст Византийский—Պարօնք, Себеос—Պարիւն, Мхитар Айриванкский—Պարօնք);

³ Փ ա լ ա ի թ ի լ զ ան ու ղ ի—Պատմութիւն Հայոց. Վենետիկ, 1832 թ., էջ 187; Адонц Н.—Армения в эпоху Юстиниана. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Кн. XI. С.—Петербург. 1908, стр. 307.

⁴ Մ ա գ ա է ս Խ ո ռ ե ն յ ղ ի—Պատմութիւն Հայոց. Տիբիս, 1913 թ., էջ 283.

История Армении Моисея Хоренского. Пер. Н. О. Эмина. Москва. 1893, стр. 160.

⁵ Марр Н. Я. Ук. соч., стр. 21.

⁶ Ս ե Ր է ս ս Ե լ ի ս կ ո յ ո ս ի—Պատմութիւն Ի Հերակլն. 1879 թ., Ս.—Պետերբուրգ, էջ 68, 116.

История императора Иракла епископа Себеоса, писателя VII в. Пер. с арм. К. Патканьяна. С.—Петербург. 1862, стр. 76 и 129.

⁷ Ивановский А. А.—По Закавказью. Мат. по археол. Кавказа. Вып. VI. Москва. 1911, стр. 63 и сл.

С. F. Lehmann-Haupt—Armenien Einst und Jetzt. Berlin und Leipzig. 1931 В. II, стр. 735 и сл.

правильность отождествления Дарин-дашта с Даруйнком. Наконец, сюда вполне могли доставляться строительные материалы из лесистой части Басена по большому тракту, шедшему из Кеприкея на Диадин.

Возможно, что природные достоинства местности, привлекавшие в свое время аршакидских царей, оказали влияние и на Хулагу-хана при выборе места для новой летней резиденции; но все же основная причина была совсем другая. В монгольскую эпоху в торгово-экономической жизни главную роль играли южные области Армении, где проходили оживленные караванные пути. И не красоты местности, а стремление иметь торговый центр на одной из караванных магистралей побудило Хулагу-хана строить город и насильственно переселять в него купцов¹. Едва ли такое предприятие было бы затеяно где-нибудь в тупике, в стороне от основных торговых путей. Я. А. Манандян² устанавливает по описанию Пеголотти (нач. XIV в.), что путь из Эрзерума на Тебриз шел через Кеприкей, Уч-килисе (древн. Багаван), Диадин и Котур. Если принять во внимание, что в монгольскую эпоху Нахичеван сохранял значение торгового и промышленного центра (по Хамдаллаху Казвини, Нахичеванский край давал столько же податей, сколько весь Ширван с Шемахой и Баку³), то естественно будет предположить, что торговый путь, шедший с запада из Эрзерума, где-то в районе Диадина раздвигался, и одна из ветвей направлялась далее в сторону Нахичевана, проходя в окрестностях древнего Даруйнка. На этой дороге, в пункте, имевшем почти тысячелетнюю историю, Хулагу-хан, видимо, и наметил создание нового города. На строительстве было занято, надо полагать, немало разноплеменных мастеров; сюда переселяли, вероятно, не только купцов, но и ремесленников самых разнообразных профессий; работали, конечно, здесь и армяне. Будущие исследования на месте должны дать богатый материал, характеризующий художественные вкусы и технику их времени.

Возвращаясь в заключение к Кыз-кале, необходимо заметить, что там, помимо следов построек XIII в., можно ожидать нахождения и более древних материалов. Если сопоставить свидетельство Фауста Византийского⁴ о насаждении Хосровом дубовой рощи по долине речки Гарни с топографией местности, то напрашивается мысль — не находился ли дворец Тикнуни на Кыз-кале. При раскопках в Двине на этот утес надо обратить внимание. Возможно, что здесь будут обнаружены материалы, которые помогут осветить так далеко неполно представленную в вещественных памятниках аршакидскую эпоху.

¹ Манандян Я. А. Ук. соч. стр. 207.

² Манандян Я. А. Ук. соч. стр. 197 сл.

³ Петрушевский И. П. — Хамдаллах Казвини, как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья. Изв. АН СССР. Отд. общ. наук, № 4. 1937, стр. 909.

⁴ Ук. соч., стр. 18.